

0996

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Белла Фрэнсис

**ВЕРНИ
МОЕ СЧАСТЬЕ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Белла Фрэнсис
Верни мое счастье
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 996

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63316038

Фрэнсис Белла. Верни мое счастье: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-09076-8

Аннотация

Балерина Руби Мартин вскружила голову итальянскому банкиру Маттео Россини с первого взгляда. После страстной ночи они расстаются, но вскоре Руби узнает, что беременна. Не желая бросать карьеру ради ребенка, она просит Маттео помочь ей...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Белла Фрэнсис

Верни мое счастье

Bella Frances

The Tycoon's Shock Heir

The Tycoon's Shock Heir

© 2018 by Bella Frances

«Верни мое счастье»

© «Центрполиграф», 2020

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1

Пятница – лучший день недели. Рабочие будни закончились, и вот-вот начнется вечеринка. А учитывая новости, которые он только что услышал, Маттео Россини знал: вечеринка удастся.

Он вышел из машины, ослабил узел галстука и поднялся по трапу в свой самолет, чтобы вылететь из Рима в Лондон и позвонить синьоре Россини – исполнительному директору и своей матери.

Пройдя по салону, он сел за стол, приготовившись по привычке выпить пятничного пива. Но его на столе не оказалось.

Поставив сумку на пустое кресло, он огляделся. Его ассистента, Дэвида, нигде не было. Странно. По пятницам события в жизни Маттео после работы обычно развивались так: бокал пива, телефонный звонок, стакан воды, душ и переодевание, машина у трапа самолета в Лондоне и иногда любовница. Сегодняшний вечер определенно пройдет иначе: бокс, азартная игра и мужские посиделки.

Набрав телефонный номер, он забарабанил пальцами по столу и снова огляделся.

Услышав звук откупориваемой бутылки пива, он обернулся и увидел женские ноги и красное платье. Маттео нахмурился, когда перед ним на столе поставили бутылку пива.

– Привет, это я, – произнес он в телефон.

– Маттео! Отлично. Я как раз собиралась позвонить тебе.

– Я тебя опередил. У меня новости.

– Хорошие? Выкладывай!

Сердце Маттео забилося чаще.

– Артуро наконец-то готов к слиянию. А у нас первый отказ. – Он дотронулся рукой до бутылки пива и стал ждать ответа своей матери.

– Ты шутишь? Это невероятные новости.

Маттео сомкнул пальцы на горлышке бутылки.

– Как ты узнал?

– Это было несложно. Я услышал сплетни и собрал данные. Говорят, ему надоело работать. Он хочет отойти от дел, а мы – единственные, кто стремится купить его компанию...

Он помолчал. Даже за тысячу миль, которые разделяли их, он представлял обиженно-заинтересованное выражение лица своей матери.

– Ты уверен в этом?

– Мы – единственные подходящие претенденты. Я слышал, хочет вмешаться Клаудио, но он не годится. О его репутации узнают в Швейцарии, я это гарантирую. У него нет шансов.

– Мэтти, я не хочу, чтобы ты вмешивался.

– Мама, это важно. Клаудио увел половину наших клиентов, и теперь я их верну. Если мы объединимся с Артуро, нас не остановить. Я смогу это сделать. Я обещаю тебе.

– Я не хочу, чтобы ты давал обещания, Мэтти. Я не желаю,

чтобы ты терял голову, как твой отец. Это того не стоит.

Он вздохнул и убрал руку от бутылки. Он знал, что мать ответит ему именно так, и не мог ее винить, но у них больше не будет другого шанса.

– Я не могу упустить эту возможность, и ты это знаешь, – тихо сказал он. – Это ради папы. Нельзя допустить, чтобы Клаудио снова нам вредил.

Он ждал, пока она заговорит, но самолет взлетел, а она молчала. Он представлял, как она беспокойно хмурит красивые брови. Стрдание читалось в ее глазах уже много лет.

Но она – Корал Россини. А он – ее сын.

– Ты прав. Мы не можем этого допустить, – наконец сказала мать. – Нельзя сидеть сложа руки и позволять ему снова обойти нас.

– Точно. – Он выдохнул.

– Но обещай мне: если он будет тебе угрожать, ты отступишься. Маттео, обещай мне. Я не могу потерять еще и сына.

Он вспомнил отца, лежащего на приборной панели своей машины, и с такой силой стиснул зубы, что почувствовал привкус металла. Он сделает все, чтобы стереть Клаудио в порошок.

– Тебе нечего бояться, мама.

– Я не могу не бояться. Я не желаю, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Его убивала дрожь в ее голосе. Однако тот факт, что они теперь могли говорить о Клаудио, свидетельствовал о том,

как далеко они продвинулись. Этот человек был лучшим другом отца Маттео, его доверенным адвокатом, а потом партнером. Но он предал их. Просто не верилось, что он все подстроил, и это сошло ему с рук.

Маттео и его мать сделали все, чтобы спасти «Каза ди Россини» – двухсотлетний частный банк для итальянских супербогачей.

– Мы вернем банк туда, где он должен быть. Даже если мы не получим всех клиентов Артуро, мы опередим Клаудио.

И только это имеет значение, не так ли?

Самолет вошел в зону турбулентности, и Маттео посмотрел на густое серое облако, окутывающее итальянскую сельскую местность. Его настроения не изменила ни гроза, ни радуга на горизонте.

– А название? Вероятно, нам придется изменить название банка. Ты думал об этом?

– Я опять опередил тебя. Я назову его банк «Артуро Россини». Как тебе?

– О, Мэтти...

Он услышал задумчивые нотки в ее голосе. Банк переходил в семье Россини из поколения в поколение, пользовался уважением во всем мире.

– Не то чтобы я этого не хотела, но если это единственный способ... У нас действительно есть шанс?

Мэтти поднял глаза, когда женщина в красном прошла мимо него по проходу. Атласное платье переливалось при

каждом ее медленном шаге. Он устоял на ее ноги. Потрясающие ноги. Он возбудился, наблюдая, как платье скользит по ее изящным икрам.

– Мэтти?

– У нас действительно отличный шанс. – Он сосредоточился на разговоре. – Нет другого такого частного банка с историей, как наш. Клаудио превратил свой банк в еще один кол-центр, ориентированный на продажи. А мы уникальны. Мы вторые по величине после Артуро.

– Я знаю. Остается надеяться, что Артуро ценит статус и порядочность.

– Нам поможет то, что мы не играем на бирже. Вот почему мы опередим Клаудио независимо от того, какое предложение он сделает Артуро. Я уверен в этом. На самом деле я готов поспорить, что Артуро пригласит меня на свою виллу во время регаты «Кордон д'ор».

Он обернулся на звук наливаемой воды. На стол поставили приземистый хрустальный бокал. Он увидел длинные элегантные пальцы и тонкие руки в красном платье без бретелек. Женщина улыбалась ему как ангел, у нее на щеках были ямочки.

– Благодарю. – Он нахмурился, машинально поворачивая голову, чтобы посмотреть ей вслед. Зря он это сделал. Он прищурился, рассматривая ее гладкую белую кожу, хрупкую фигуру и длинную шею. Женщина была настоящей красавицей.

Но Маттео слишком занят, чтобы позволить себе отвлекаться. И где, черт побери, Дэвид?

– Это будет начало. Но потребуется не только корпоративное гостеприимство в «Кордон д'ор», чтобы завоевать его. Он – последний из старой гвардии. Надо убедиться, что о нас нет ничего дурного в Интернете. Если будет хоть один намек на скандал, он разведет свои мосты.

– Этого больше не случится. Поверь мне.

Он горько сожалел о том, что Артуро все-таки может узнать о нем кое-что негативное. Маттео барабанил пальцами по стеклу иллюминатора, смотря, как по нему скользят водяные капли. Статьи в прессе раньше не казались ему проблемой. Но в один прекрасный момент его последняя подруга, леди Фэй, начала рассказывать журналистам историю их расставания. И Маттео стал «гадким плеябоем», разрушающим жизнь любой женщины, которая с ним сблизится. Он якобы обещал Фэй жениться на ней, а потом бросил.

На самом деле все было иначе. Он никогда не обещал ей ничего, кроме одного свидания. Так он поступал со всеми своими подругами.

Он годами тщательно культивировал у себя страх к долгим отношениям – наилучшей фобии для любого убежденного холостяка. Маттео был фактически женат на своей работе. И он не желал увлекаться ни одной женщиной, как когда-то увлекся своей первой любовью, Софи.

Он потерял своего отца, смысл жизни и Софи. Он больше

никогда не станет таким уязвимым.

– Я бы предпочла, чтобы этим занялся Дэвид. Так мы по крайней мере обезопасим себя.

– Это не мой стиль. Я отказываюсь играть в игры, в которые хотят втянуть меня акулы СМИ. И я не стану ни перед кем оправдываться. Фэй – сумасшедшая, это единственное объяснение ее словам. Она поверила в собственную выдумку, а потом, когда та не осуществилась, обратилась в прессу. Если бы она не имела связей с королевской семьей, никто бы не обратил внимания на эту историю.

– Я знаю. Но ты отказался сделать заявление, поэтому люди стали считать тебя изгоем. Мне неприятно, когда о тебе кто-то плохо думает. Я же знаю, какой ты на самом деле. Я расстраиваюсь, читая о тебе подобные статьи.

– Так поступай как я: не читай их.

Он услышал ее вздох и приуныл. Ему было легко отмахнуться от людского мнения, но его мать была другой. Она очень беспокоилась о нем и о банке.

– Прости, мама, но мне не повернуть время вспять. Что сделано, то сделано.

Женщина в красном положила постельное белье в шкаф. Ее руки были тонкими и бледными, как лилии с длинными стеблями, а движения – изящными и элегантными. Темные волосы падали ей на спину, блестящие, густые и длинные. Она повернулась и застенчиво и неуверенно посмотрела на Маттео карими глазами. Он понимал, что означает этот

взгляд.

– Подожди. – Он прошел в спальню в противоположном конце салона и закрыл дверь. – Есть новости от Дэвида? Его здесь нет, а вместо него какая-то женщина. Обычно он не присылает сотрудников без предупреждения.

– Ах, ты говоришь о Руби! Как она тебе? По-моему, она милашка.

У его матери был такой взволнованный голос, что Маттео призадумался.

– Это бесспорно, – сказал он. – Но я надеялся, что рядом со мной будет Дэвид. В чем дело?

– Не расстраивайся, Мэтти. Мне надо, чтобы Дэвид закончил работу над брендом в новом рекламном агентстве. Никто, кроме него, не знает наш бизнес так хорошо.

– Ты прислала мне новенькую ассистентку?

– Я познакомилась с Руби, – произнесла она, игнорируя его, – и она мне очень понравилась. Она быстро учится. Я думаю, вы с ней хорошо поладите. Дэвид вернется к тебе в понедельник.

Его мать что-то скрывала. В этом он не сомневался.

– Ты в курсе, что она в платье для коктейля? Очень красивое коктейльное платье, но это не рабочая одежда. Ты что-то забыла мне сказать?

Как в прошлом месяце, когда Корал вспомнила о том, что ему надо выступить после ужина на вечеринке международного женского финансового клуба, за час до подачи канапе.

Или тогда, когда он должен был вручить приз в детском саду, который они спонсировали, после отъезда из казино. Мать по привычке просила его об одолжениях в последнюю минуту.

– Ну, раз ты заговорил об этом...

Вот оно!

– Я все еще в Сенегале, а сегодня вечером мне надо выполнить одно маленькое обязательство. В любом случае ты в Лондоне. И потом, о тебе, вероятно, напишут хвалебную статью в прессе. Это было бы здорово, Мэтти. Ты меня слушаешь?

Он медленно опустил руку, понимая, что сегодняшнюю вечеринку ему придется пропустить.

– Это связано с благотворительностью, дорогой. С помощью обездоленным.

Конечно. Маттео занимался бизнесом, его мать – благотворительностью. Она преуспевала в этом. Ей легко удавалось убедить богачей пожертвовать деньги в различные благотворительные организации, спонсируемые банком. Жаль только, что она забывала вовремя предупредить Маттео о том, когда ей понадобится его помощь.

– Ладно. Уговорила. – Он вздохнул. – Что это будет?

– Театральная премьера.

– Я согласен, если это не связано с балетом. Ты же знаешь, я терпеть не могу мужчин в колготках.

– Но это связано с моей любимой компанией – Британ-

ский балет. Не стони, дорогой. Тебе надо просто быстренько пройти по красной ковровой дорожке, сфотографироваться и пожать кое-кому руку. Все уже устроено. Я знаю, тебе нравится быть ко всему готовым, поэтому я попросила Руби обо всем позаботиться. Она знает о балете абсолютно все. Она – балерина Британского балета, но сейчас восстанавливается после травмы. У нее был ужасный год.

Маттео открыл дверь в каюту, и тут же появилась великолепная Руби. Значит, она не сотрудница агентства, а балерина. Идеальная осанка и безупречная фигура.

Он вернулся в спальню и закрыл за собой дверь.

– То есть она очередная твоя знакомая, которую ты решила опекать?

– Я знаю, о чем ты думаешь, и не собираюсь лгать. Руби было тяжело, но она не жертва. Она не мошенница, поэтому успокойся.

– А кто же она?

Его мать постоянно жалела бездомных и бродяг. К ней постоянно стремились и мошенники, и действительно сломленные люди. Несмотря на деловую хватку в бизнесе, она была очень доверчивой.

– Мэтти, тебе не о чем беспокоиться! Руби не собирается красть у меня миллионы. Она предана Британскому балету, но у нее травма. Но если ты предпочитаешь иметь дело с женщиной в колготках, я могу это устроить...

Он недоверчиво покачал головой. Мать снова обвела его

вокруг пальца. Разве он может ей сопротивляться после всего, что она сделала для него? Они с матерью были одним целым после смерти его отца и так будет всегда.

– Ладно. Но ей не надо строить никаких иллюзий по поводу меня.

– А это полностью зависит от тебя, Маттео.

Он уловил легкую нотку порицания в ее голосе и подтекст в ее словах. Она отлично знала его пороки. Если он избегает длительных отношений, это не означает, что он жаждет коротать вечера в одиночестве.

– Хорошо, мама. Я надеюсь, что переживу это.

– Прости, дорогой, я не хочу вмешиваться, но меня огорчает, что ты так легко меняешь подружек. Я знаю, ты стал бы счастливым, если бы женился. В конце концов, я твоя мать, и я хочу для тебя только лучшего.

– Для меня лучше всего то, что лучше для банка. Это единственное, что меня интересует. Пока жениться мне некогда. Я должен заниматься банком.

Глава 2

Вылет в шесть, приземление в половине восьмого, разница во времени – час. Полчаса, чтобы добраться до театра. Случится чудо, если она все это сделает без помех.

Руби стояла в центре салона самолета и смотрела налево и направо, а также на плотно закрытую дверь спальни, где Маттео Россини – спонсор компании, все еще говорил по телефону.

Она покачала головой и уставилась на свои руки, покрытые мурашками.

Жаль, что она несколько месяцев была не у дел, пока у нее восстанавливались поврежденные связи. Теперь ей предстоит быть на лондонской премьере балета «Две любви» и убедить спонсора в том, что Британский балет стоит тех вложений, которые делает частный банк Россини.

Если бы ей пришлось иметь дело с Корал Россини, все было бы хорошо. Она обожает балет и оказывает компании огромную поддержку многие годы. Но на этот раз Руби придется иметь дело с ее сыном.

Когда ей передали записку от Корал Россини, она с трудом сдержала стон.

«Я вдруг поняла, что ты идеально присмотришь за моим сыном Маттео в пятницу. Он не самый большой поклонник

балета, но я уверена, ты справишься.

Я взяла на себя смелость и отправила вам с Маттео одежду для премьеры.

Не волнуйся, если он заартачится. На самом деле он милый котик.

Целую, *Корал*».

Руби с ужасом смотрела на записку, ее душа ушла в пятки. Наконец она открыла упаковки с одеждой. Для нее было приготовлены красное атласное платье, бежевые туфли и сумочка такого же цвета. Затем она увидела красный галстук-бабочку, карманный платок для Маттео и конверт с чеком на тысячу фунтов.

Тысяча фунтов! Она не сможет отказать Корал. Нельзя воротить нос от таких денег.

Директор балетной компании совершенно искренне заявил Руби:

– Я верю, что у тебя все получится. Ты умная и не подведешь нас. И себя тоже.

Он был прав. Руби служила в Британском балете дольше остальных. Он стал ее домом, школой, другом и семьей на долгие годы. Она была его частью с одиннадцати лет и не планировала работать где-то еще. Тут она чувствовала себя в безопасности.

В компанию устраивались новые танцовщики. Они дружили с Руби, но жили за пределами студии и театра. Они хо-

дили на вечеринки и рассказывали о своих семьях. Они знали, что не стоит расспрашивать Руби о ее личной жизни. Она понимала, что им любопытно, но они не докучали ей вопросами. В конце концов, кому захочется обсуждать ее жизнь? Кому интересен ее отец, который до сих пор в бегах? Или мать, которая не смогла о ней позаботиться?

К счастью, Руби может танцевать. Танец – ее молчаливая молитва. Без танца она была бы хомутом на шее своей матери. Без него она рылась бы в Интернете, стараясь разыскать своего отца.

– Здравствуйте! Я Маттео. Приятно познакомиться.

Она испугалась, услышав его голос, и выронила упаковку с арахисом, которую собиралась открыть.

Глубоко вдохнув, она широко улыбнулась и повернулась к Маттео:

– Я Руби. Здравствуйте! – Она подняла упаковку с арахисом и протянула Маттео руку.

Следовало признать, что он оказался красивее и выше ростом, чем ей казалось. Галстук болтался на его широкой груди, как веревка на стене. Она смотрела на его широкие плечи, квадратный подбородок и полные губы. У него был длинный нос с горбинкой, пронизательные светло-карие глаза и хмурый взгляд.

Он пожал ей руку и отпустил ее. Руби подумала, что Маттео со своими длинными волосами больше похож на поэта-романтика, а не на скучного банкира.

– Все в порядке? – спросил он, чеканя слова и пристально глядя на Руби.

Она не привыкла стоять на каблуках и подавать напитки незнакомцу на высоте двадцать тысяч футов. Покачнувшись, она схватилась рукой за спинку кресла, чтобы не упасть.

– Да. Я просто собиралась налить вам еще напиток и принести закуски...

– Нет проблем. Я согласен на напитки и закуски. Но, видимо, мне предстоит идти на балет, чего я не планировал ранее.

– Да. – Она выпрямилась. – Это будет премьера. Постановка называется «Две любви». Это так волнительно. Постановка потрясающая.

И Руби все бы отдала, чтобы танцевать в этом спектакле. Но из-за ужасной травмы ее не взяли даже на подтанцовку. Вместо этого ей приходится преподавать младшим классам и ходить к физиотерапевту. И прислуживать «гадкому плеябою».

– А вы – лицо Британского балета. Это хорошо. Это действительно хорошо, – сказал он, снова оглядывая ее и кивая, словно на самом деле все было плохо. – Мне нужны имена и биографии людей, с которыми мы увидимся.

Он обошел каюту, а Руби осталась стоять, не зная, должна ли она следовать за ним или исчезнуть.

Она смотрела, как он включает телевизионный канал с биржевыми котировками, а потом быстро переключает его

на спортивный канал. Скрестив руки на груди, он уставился на экран, когда комментатор почти заорал, чтобы его услышали над ревом толпы. На экране по полю носились люди с мощными забрызганными грязью ногами и гоняли мяч овальной формы. Регби. И как можно любить такую игру?

– Давай! – скомандовал Маттео игрокам на экране и пошел ближе к телевизору.

Очевидно, Маттео Россини фанат регби. Руби казалась себе таким же предметом мебели, как бежевые кожаные кресла. Пусть Маттео красив, но у него нет очарования его матери.

Внезапно он повернулся, увидел, что она пялится на него, и нахмурился. А потом выключил телевизор и бросил пульт управления на стул.

– У меня есть планы на вечер, поэтому я хочу все закончить к десяти. Начнем?

Он кивнул на маленькую гостиную, где вокруг кофейного столика стояли четыре кожаных кресла. Он опустился в одно из них, самоуверенный и собранный, а Руби села осторожно, с прямой спиной и наигранной улыбкой.

–Итак, вы танцуете в этой балетной труппе, но вызвались взять на себя пиар-роль на сегодняшний вечер.

– Что-то вроде этого, – сказала она, игнорируя его язвительность.

– Но почему вы, Руби? – Он прищурился. – Кто вы?

– Вы хотите знать обо мне? Мне почти нечего рассказы-

вать. Я служу в ББ с одиннадцати лет, – произнесла она, понимая, что проходит собеседование на работу, которую не хочет получить. – Я не танцую сегодня вечером, поэтому меня и выбрали.

– ББ – это Британский балет?

Она улыбнулась в ответ на его глупый вопрос.

– Да. Этой компании пятьдесят лет. Я училась в балетной школе, выступала в массовке, потом солировала. И надеюсь, однажды стану педагогом. Поэтому я знаю о балете все, что мне надо о нем знать.

– А как насчет остального? Сегодня на премьере будут политики. Я так понимаю, вы и в политике разбираетесь?

Смотря на него, она вдруг вспомнила свои записи. Захватила ли она их с собой? Куча глупых рукописных заметок о том, что она должна сказать Маттео. Она записывала их на кухне, пронумеровывала, складывала... А куда она их положила потом?

– Вы подготовились, верно? Вам следует знать, что я не большой поклонник таких мероприятий.

Ей хотелось ответить, что она тоже их не любит. Вот почему она так долго делала заметки о том, что считала почти неинтересным. Но грубить спонсору нельзя, надо помнить о его пожертвовании. Ее собственный доход определялся щедростью таких покровителей, как Корал Россини.

– Я не сомневаюсь, что вы не разочаруетесь. Миссис Россини уверена, что я подхожу для этой работы.

– Да. Я верю, что это так, – произнес он тоном, который показался ей жужжанием назойливой мухи.

Где же ее заметки: в сумке, карманах? Или она забыла их в метро?

Он, запрокинув голову, внимательно и свысока посмотрел на нее, выгнув бровь, и она решила, что он читает ее мысли.

– Кстати, как давно вы знаете мою мать? Похоже, вы ей нравитесь.

– Правда?

– Да. И вы не первая, кто хочет подружиться с моей невероятно доброй и щедрой матерью.

О чем он говорит? Неужели он думает, что она хочет стать подругой его матери? Он считает, она действительно хочет торчать здесь с ним?

– Я здесь не для того, чтобы заводить дружбу. Я здесь потому, что мне приказали.

Она умокла, заметив, как он мрачно оглядывает ее лицо.

– Вам приказали? – Он выгнул брови над пронизательными светло-кариими глазами.

– Кто-то должен был сделать это.

Он откинулся на спинку кремового кресла, положил руки на подлокотники и сцепил пальцы на груди. Кисти его рук были покрыты тонкими темными волосками, из-под заостренной манжеты его рубашки блестели роскошные часы.

Руби не сводила глаз с его сильных запястий, отказываясь смотреть ему в лицо.

– И жребий пал на вас? – Он взял бокал с водой.

Она увидела его серебряные запонки. Она не знала никого, кто носил бы запонки, а также потрудился надеть рубашку и галстук.

– Вы бы предпочли заниматься чем-нибудь другим? – тихо и насмешливо спросил он.

Он дразнит ее? Она подняла на него глаза и увидела его едва заметную улыбку. Вероятно, он думает, что она хочет поживиться за счет его матери.

Руби поерзала в кресле, стараясь не утонуть в нем. Маттео сидел напротив нее совершенно неподвижно, ей не удалось сосредоточиться.

– Я бы предпочла танцевать, – сказала она. – Балет для меня важнее всего.

– Это я понимаю, – тихо произнес он, и его лицо на секунду вытянулось. Он сжал и разжал пальцы руки, потом развернул ее, и Руби увидела его сломанные костяшки. – Я это очень хорошо понимаю.

Она посмотрела на свои руки, лежащие на коленях, и стала ждать, когда Маттео заговорит. Он положил ногу на ногу, и Руби уставилась на упругие и мощные мускулы его бедра под темно-синим шелковым габардином брюк. Он был сложен лучше, чем танцор балета.

– Извините, я... – Она откашлялась и решила вспомнить свои записи. – Итак, сегодняшняя премьера. Вам рассказать о деталях?

– Да, пожалуйста. – Он кивнул.

Руби нахмурилась. Она могла рассказать ему о каждом движении в танце, но сейчас Маттео это не нужно. Ему надо знать детали, имена, сроки. Все это – в заметках, которые она оставила на своем кухонном столе.

– «Две любви» поставлен по мотивам поэмы.

– Поэма? А конкретнее?

Ей не удавалось вспомнить ничего.

– Поэма очень старая.

Он поднял бровь:

– Сколько ей лет: месяц, год, столетие?

– Она древняя, – сказала Руби, вспоминая портрет поэта, который показывал танцовщикам хореограф. – Ей две тысячи лет. Она написана в Персии, – радостно сообщила она. – Ее автор – персидский поэт Руми, известный стихами о любви.

– Ах да, Руми. «Возлюбленные не встречаются. Они всегда принадлежат друг другу»... И тому подобная чепуха.

– И на основе подобной «чепухи» поставлен сегодняшний спектакль, – произнесла она, радуясь тому, что вспомнила хотя бы что-нибудь, несмотря на реакцию Маттео.

– Ладно. Поскольку маловероятно, что сегодня вечером я пожму руку поэту Руми, расскажите мне о ком-нибудь живом. Наверняка на премьере будет куча людей, которых мне надо поблагодарить.

– Да, – сказала она, глядя на его равнодушное лицо. – Об

этом написано в моих заметках.

– Правильно. – Он встал, глядя на часы. – Мы приземляемся через полчаса. Принесите свои записи, а я приму душ и напялю смокинг. – Он посмотрел на нее и кивнул. – Думаю, мы оба согласимся с тем, что чем раньше мы покончим с этим, тем лучше.

Глава 3

Маттео Россини не верилось, что он отказался от бокса и похода в казино ради балета. Он слышал в телефоне, как парни завывают, поднимая бокалы в шутовском тосте. По крайней мере, кому-то это показалось смешным. Размышляя об этом, он вытащил лучший смокинг из гардероба и положил его на кровать.

Сегодня ему выпал шанс исправить ту катастрофическую ситуацию, которая сложилась в СМИ после его отношений с Фэй. А возможное объединение с «Артуро финанс» станет вишенкой на торте.

Он чувствовал, что уже почти у цели.

Но сначала ему надо сходить на балет.

Он провел полотенцем по влажным плечам и усмехнулся, понимая, что уже не так расстроен, как полчаса назад. И он вовсе не желал наблюдать за танцующими на сцене. Предстоящий вечер казался ему очаровательным только из-за Руби.

У нее вполне могут быть планы по поводу его матери, но она совсем не похожа на прилипал, которых он встречал прежде.

В Руби была новизна и свежесть, а ему хотелось развлечься. И поскольку события следующих нескольких часов не изменить, он может насладиться тем, что имеет.

Он надел брюки, и через секунду в дверь постучали. Он

прислушался. Снова стук в дверь: два тихих, но решительных удара. Руби вела себя деловито, и Маттео вдруг почувствовал разочарование.

Он застегнул брюки, взял рубашку и открыл дверь. Перед ним стояла Руби, большеглазая, с пухлыми губами и тонкими руками.

– Привет! – сказал он, надевая рубашку. – Все в порядке?

Судя по ее лицу, не все было в порядке. Ее глаза расширились и стали почти черными, она приоткрыла рот и уставилась на его грудь. Он сдержал улыбку и отвернулся, чтобы не смущать Руби.

– Простите, что побеспокоила вас, – произнесла она, опуская глаза, – но я должна передать вам это. – Она протянула ему небольшой пакет. – Это от вашей мамы.

Продолжая застегивать пуговицы, он уставился на пакет.

– Откройте его. – Он пошел к столу, где лежали его запонки.

Она сверкнула глазами и опустила их. Маттео широко улыбнулся. Игра началась.

Открыв пакет, она протянула Маттео красный галстук-бабочку и карманный платок.

– Все нормально?

– Что? – спросила она. – Да, конечно, все нормально. Мне просто непонятно, зачем вы это носите.

Он остановился и поднял воротник, внимательно рассматривая Руби.

– Что вы имеете в виду?

– Запонки. Зачем они? Почему не покупать рубашки с пуговицами на манжетах? Я не понимаю.

– Вам когда-нибудь говорили, что вы слишком прямолинейны? – Он надел запонки.

– Я говорю то, что у меня на уме. Я не хотела вас обидеть. Просто я ни разу не видела мужчину, который носит запонки.

Он поправил манжеты рукавов, замечая, как она внимательно следит за ним.

– С запонками манжеты выглядят красивее. У красивой рубашки должны быть красивые манжеты. Кстати, эти запонки – подарок моей бывшей подружки.

Он показал их ей и улыбнулся.

– Я не настолько плохой парень, как обо мне пишут в прессе.

– Ну да, – ответила она с явным недоверием.

Он поднял бровь и надел галстук-бабочку.

Не надо удивляться. Он отвернулся, чтобы взять пиджак, и вспомнил дурацкие фотографии, которые присылали ему друзья. И их замечания о том, что у него каменное сердце.

Любой, кто хорошо знал Маттео, знал правду. И понимал, что все его эмоции связаны с Софи. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что у него никогда не будет другой Софи.

Они были блестящей парой еще во время учебы в универ-

ситете. Она – красотка с длинными светлыми волосами, а он – восходящая звезда регби. Он был счастливее всех на свете. У его ног лежал весь мир. Его ждал диплом в области спорта, неизбежная карьера регбиста, выступающего за свою страну... Он не знал, где будет жить, в Италии или Англии, когда попросит Софи выйти за него замуж.

А потом умер его отец. И Маттео почувствовал себя огромным дубом, который с корнем вырвали из земли. Его сила и самоуверенность были подорваны. Он ощущал, как его мир рушится. Ему казалось, что он парит между небом и землей. Он думал, что его отец самоуверенный, решительный и сильный человек. Он был мудрым, умным и благородным, любил свою жену, а Клаудио был его лучшим другом.

Они были почти неразлучны, ближе, чем братья. Клаудио постоянно присутствовал в жизни родителей Маттео, а потом все резко изменилось.

Однажды Маттео заподозрил, что Клаудио увлекся его матерью, и его отец узнал об этом. Вероятно, после этого возник раскол в их отношениях? Как же он ошибался!

Отец Маттео изо всех сил старался спасти семейный банк. Он работал без передышки несколько недель, но многое было потеряно навсегда. Богатые клиенты хотели большего. Верность и деньги несовместимы. Тем более Клаудио предложил им быстрые дивиденды, и люди оказались слишком жадными, поэтому покинули банк Россини.

Но смерть отца повлияла на Маттео сильнее, чем потеря

клиентов. Его мать была безутешна. Думая о ее страданиях, он до сих пор вздрагивает от боли. Маттео ухаживал за ней и взял на себя ответственность за семью, поскольку знал, что его отец одобрил бы это. Он погрузился в банковский мир, отвечая на крепкие рукопожатия, нося деловые костюмы и поддерживая тихие разговоры.

Он был готов все это пережить, зная, что хуже быть не может. Зная, что Софи всегда его поддержит.

Вспоминая ее разгоряченное и красивое тело, он однажды ночью полетел на север – в университет, а затем два часа ехал на такси из аэропорта до холодного, бурного побережья Сент-Эндрюс, где было раннее утро, и Софи должна была вот-вот проснуться. Может быть, Маттео проскользнет в кровать, ляжет рядом с Софи, почувствует любовь ее объятий и забудет свою боль...

Сколько раз он будет переживать эти моменты? Хруст гравия на дороге, рассвет и облачко пара от своего дыхания. Холодный звук металлического ключа в замке, включенная лампа в прихожей и работающий телевизор, очки на столе...

Он на автомате повернулся в сторону ванной, услышав включенный душ.

А потом он увидел то, что предпочел бы не видеть.

Его прекрасная Софи, голая и влажная, обвила ноги вокруг торса другого мужчины. Это был тренер национальной сборной по регби; он приехал в Шотландию, чтобы попросить Маттео играть за эту страну.

После этого все чувства Маттео умерли.

– Большинство людей не верит тому, что читает. Я не верю написанному, если вас это утешит.

Маттео округлил глаза, глядя на ангельское лицо Руби, с огромными карими глазами и полными красными губами. Она смотрела на него почти взволнованно. Как мило. Только ей не надо за него волноваться.

– Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, – сказал он, застегивая последнюю пуговицу на смокинге. – Я взрослый мальчик. И переживу то, что обо мне болтают.

Он подмигнул ей и улыбнулся. И положил руку ей на плечо. У нее была нежная, шелковистая кожа. Он подошел к Руби немного ближе и увидел, как расширились ее зрачки. Она ждала, что он ее поцелует.

А разве поцелуй не лучшее начало вечера с Руби? Эти великолепные губы, кожа цвета слоновой кости, блестящие волосы... Разве он не поддался искушению с того момента, как впервые увидел ее? Разве она не показывает ему, что тоже хочет быть соблазненной?

В конце концов, вечер может стать идеальным.

– Это может обидеть вашу мать, – сказала она, поворачивая голову.

Он остановился – его отвергли.

– Чувства моей матери не касаются ни вас, ни кого-либо еще, – ответил он. – Жаль, что люди постоянно суют нос не в свои дела.

На ее щеках появился густой румянец, и Маттео сразу же пожалел о своем резком тоне.

Руби не похожа на сплетницу. Она просто добрая. И, что хуже всего, она права. Он знал, что его мать пострадала от нападков прессы, но ему некого было винить в этом, кроме себя самого.

Он протянул к ней руку, но Руби тихо извинилась и вышла из каюты. Он внимательно смотрел ей вслед: красный атлас, вздымающийся над ее икрами, мягко колыбался при каждом шаге. Маттео стоял словно загипнотизированный.

А потом самолет сделал резкий вираж. И Руби оступилась. Она протянула руку и схватилась за ближайший стул. Маттео был уверен, что ей больно. Но она не произнесла ни звука.

Он бросился к ней.

– У вас все нормально?

– Все отлично, спасибо, – сказала она, смотря перед собой и улыбаясь. И снова пошла вперед.

– Я видел, как вы оступились. Это из-за вашей травмы? Я знаю, что вы сейчас не танцуете. Все в порядке?

Она подняла брови и одарила его презрительным взглядом. Маттео его заслужил.

– У меня все в порядке, спасибо. Я хочу присесть.

– Руби, подождите.

Она осторожно села в кресло, выпрямила спину и радостно улыбнулась. Он понимал, что она улыбается сквозь боль.

Маттео сел напротив нее. Она отвела колени влево и сжала их.

– Что у вас болит: бедро, колено?

– Это пустяки. Я уже почти выздоровела.

– Что произошло?

– Я упала, вот и все.

– Должно быть, падение крайне неудачное, если вы лечитесь почти полгода.

Руби продолжала радостно улыбаться. По крайней мере, это должно было выглядеть как улыбка, но больше походило на маску.

– Знаете, у меня тоже была куча травм, – сказал Маттео, когда она не ответила. – Я много лет играл в регби. Я знаю, по мне трудно догадаться, но во время учебы в университете я играл в команде как закрытый фланкер.

Наклонив голову, он показал ей ухо со шрамами. К счастью, ухо и сломанный нос были его единственными очевидными недостатками, однако он потерял счет переломам и слезам.

– Закрытый фланкер... – Она отвела взгляд, ведя себя вежливо, но равнодушно.

– Я собирался играть за Англию.

– В самом деле? – Она взглянула на него.

Он улыбнулся, кивнул и поднял брови.

– А почему вы не стали играть? Что случилось?

– Долгая история. Не имеет значения. Итак, в чем у вас

проблема?

– Это сложно объяснить.

– Я уверен, что смогу понять. Я активно занимался многими видами спорта, и я знаю, как получают травмы. Балет – жестокое занятие, я в курсе. Пусть я в этом ничего не понимаю, но уважаю то, что делают танцоры балета.

Она колебалась между желанием отмахнуться от Маттео и продолжить разговор. Перестав улыбаться, она внимательно следила за ним, но ее тело все еще было напряжено.

– Я не всегда был скучным банкиром, – тихо произнес он. – Я обожаю регби.

– Так что же случилось? – спросила она. – Почему вы не реализовали свою мечту?

– Сначала расскажите мне о своей травме, – ответил он.

– Крестообразная связка коленного сустава, – сказала она через секунду.

– Передняя? Задняя?

– Передняя. Мне сделали операцию. Дважды.

– Сочувствую, – выдохнул он. – Вам надо быть осторожнее. Это может стать концом вашей прекрасной карьеры.

– Я хорошо знаю об этом.

– Не сомневаюсь. Должно быть, вы постоянно об этом думаете. Один из игроков моей команды получил ужасную травму и распрощался с карьерой регбиста. Я не знаю, чем он сейчас занимается. Он всегда был скрытным. Я не думаю, что у него был запасной план...

И вдруг маска соскользнула с лица Руби, и она неуверенно улыбнулась. Ее тонкие ключицы дрогнули, она с трудом сглотнула, словно сдерживая себя.

– Простите, – сказал он. – Вам сейчас явно не хочется это слушать. Танец – это ведь вся ваша жизнь. Я вас отлично понимаю.

– Откуда вам знать, если у вас не было такой травмы? – Она покачала головой и отвернулась от Маттео.

– Но я вас действительно понимаю. – Он поежился от своей бездумности. – Регби было все для меня. Банком занимался отец. А потом, черт побери, он умер, и моя жизнь пошла кувырком. И вот я здесь.

Он оглядел самолет, кремовую кожу, хрустальные бокалы, мерцающий плазменный экран. Все вокруг говорило о богатстве и успехе. Сделка с Артуро станет вишенкой на торте, но у Маттео уже имеется очень большой торт.

Судя по выражению лица Руби, она думала точно так же, и Маттео не мог винить ее за это.

– Но нас нельзя сравнивать, верно? – спросила она с ноткой задумчивости. – У вас был запасной план. У меня ничего нет, только танец. Всю свою жизнь я готовилась стать примой. Я умею только танцевать.

Она расправила юбку и посмотрела Маттео прямо в глаза с такой мольбой, что он подумал, как легко ему будет влюбиться в такую женщину, как она. Она сильная, но уязвимая. Ему надо просто поддаться ей и утонуть в ее глазах.

Но он не позволит себе ничего подобного. Он не готов к новым серьезным отношениям.

Повернувшись, он легко поддел ее подбородок пальцем.

– Вы хорошо делаете свою работу. Вам не о чем беспокоиться, – произнес он нежным, но решительным тоном, каким его обычно успокаивал отец.

Но она покачала головой и уставилась на него глазами как у лани.

– Нет. Я не справляюсь. Я оставила дома на столе нужные записи. А я писала их часами, чтобы ничего не забыть. Я могу запоминать только танцевальные шаги, но я не танцую уже несколько месяцев. Я боюсь, что вообще разучилась танцевать.

– Ну, делайте все постепенно. Пока вы великолепно справляетесь. Я понятия не имел, что буду смотреть балет по мотивам поэмы Руми, которого я в романтической юности считал удивительным поэтом. Возможно, я пойму, что ошибался. Кто знает?

– Вы действительно не против моих ошибок? Я не хочу испортить вам вечер.

– Это никак не связано.

– Балет вам понравится. Я обещаю.

Она улыбнулась. Широко, ярко и красиво. Ему стало интересно, знает ли она, что улыбка – ее самое смертоносное оружие. Пусть она говорит, что не годится ни для чего, кроме танца, но Маттео мог поспорить, что она может легко об-

вести вокруг пальца практически любого мужчину или женщину, просто улыбнувшись им или посмотрев на них в упор.

Самолет приземлился и покатился по взлетно-посадочной полосе. Итак, после премьеры балета Маттео сосредоточится на делах с Артуро. Игра началась.

Глава 4

Маттео оказался не таким уж «гадким плейбоем», как его описывали в прессе. Он не стал ругать Руби за то, что она забыла свои записи, и даже был с ней довольно любезным, когда она принялась болтать.

Он не был просто скучным банкиром. Он умен. И красив. Даже со сломанным носом. У него отличная фигура.

Она мельком взглянула на его бедра и бицепсы, выпирающие через ткань смокинга. Они сидели на заднем сиденье лимузина и ждали, когда пойдут по красной ковровой дорожке. Маттео был готов играть роль покровителя, и все мысли Руби о том, что он – мрачная тень своей матери, улетучились. Маттео умел быть очаровательным, как и его мать.

Но он не мягкий и не милый котик. Он придирался к Руби, когда они только познакомились, и причина не в вечеринке. Он просто пытался защитить свою мать, и нельзя его за это винить. На его месте Руби поступила бы точно так же, хотя, конечно, этого никогда не произойдет. Ее мать меньше всего нуждалась в защите, если только от самой себя.

Дверца машины открылась. Пора идти. Маттео повернулся к Руби, подмигнул ей, улыбнулся, вышел и направился к входу с изящной грацией и легкой походкой.

У Руби засосало под ложечкой. Она вздохнула и заставила себя улыбнуться. Затем пошла за Маттео мимо сверкающих

фотокамер. Она остановилась рядом с ним, пока он болтал с кем-то в фойе, вдыхая и выдыхая и широко улыбаясь.

За несколько минут до начала представления они вошли в королевскую ложу. На них уставились все посетители театра. Руби смотрела прямо перед собой, ее нервировал интерес толпы.

Она решила устроиться за спиной Маттео, но он с улыбкой и любезным взмахом руки пригласил ее сесть рядом с ним.

И наклонился к ней ближе, когда погас свет.

– По-вашему, все будет хорошо, как вы говорите?

– Если нет, то вы вернете себе свои деньги, – ответила она.

Заиграла музыка. Атмосферу театра прорезал пронзительно красивый голос индианки. Аудитория ахнула.

Маттео уставился в глаза Руби. По ее спине пробежала дрожь.

– Я могу получить компенсацию другим способом, – сказал он.

Его взгляд скользнул по ее обнаженным плечам и декольте, а потом вернулся к ее глазам. Она чувствовала его каждой клеточкой своего тела. Его губы изогнулись в многообещающей улыбке. Чем больше проходило времени, тем острее Руби ощущала их взаимное влечение. Ее тело ожило, словно Маттео щелкнул выключателем.

Она откинулась в кресле, не замечая выхода на сцену главных танцоров. Отчасти она знала, что они танцуют, прини-

мая поразительно плавные и красивые позы; их костюмы элегантно струились при каждом шаге. Навязчиво красивая песня рассказывала историю страсти между танцорами.

– Тебе нравится? – прошептал Маттео.

Впервые за несколько месяцев Руби почувствовала себя по-настоящему живой. Этому способствовали танец, театр, заинтересованная толпа и опасное влечение к Маттео.

– Жаль, что я не с ними на сцене, – сказала она, впервые в жизни сомневаясь в своих словах.

– Я хочу увидеть, как ты танцуешь. – Он наклонился к ней ближе; его голос волновал ее. – Я уверен, ты удивительно танцуешь. Может быть, однажды...

На мгновение она решила, что он прикоснется к ней: его рука повисла в воздухе и приземлилась на ее ногу. Руби уставилась на его руку, а затем рискнула взглянуть в сторону – на его профиль, словно обведенный серебристым светом от огней сцены.

Маттео смотрел прямо перед собой и казался сдержанным, но она чувствовала между ними странную энергию, которая заставила ее внезапно ощутить свои обнаженные груди под лифом платья, бедра, скрещенные ноги и ступни в туфлях на шпильке и с ремешками.

Обычно она использовала свое тело, чтобы выразить себя. Танец был ее языком. Она умела читать и чувствовать других через их бессловесные действия. Она видела их нервозность и уверенность в наклоне головы или изгибах плеч. И язык, на

котором сейчас говорил Маттео, был таким же чувственным, как и у танцоров балета. Она была возбуждена.

Руби повернулась лицом к сцене, пока танцоры изображали свою мучительную любовь, их тела извивались от удовольствия и боли. И в каждом движении она чувствовала изысканное удовольствие от физической любви. И вдруг увидела себя с Маттео. Это произошло в тот момент, когда главный герой поднял свою возлюбленную, а потом позволил ей скользить по его телу; его руки касались ее талии, груди, лица, обнимали и ласкали.

Руби привыкла танцевать и ощущать руки партнера на своем теле, но ни разу не испытывала того, что сейчас, просто наблюдая за происходящим.

Интересно, Маттео чувствует напряжение в воздухе?

– О чем вы думаете? – прошептала она и не узнала собственный голос.

– По-моему, у меня появилась новая страсть.

Выражение его лица было невыразительным, но от его слов по телу Руби пробежал жаркий трепет. Она наблюдала за финальной сценой, погружившись в мечтательный туман, и ей казалось, что Маттео ласкает ее.

Наконец все закончилось. Зрители кричали «Браво!» и топали ногами. Ошеломленная, Руби сидела рядом с Маттео. Смотря перед собой, она краем глаза видела его бедро, аплодирующие руки и едва заметную улыбку. Он повернулся к ней.

– Сейчас я должен встретиться с танцорами? – спросил он. – А потом...

Он пронзил ее взглядом, который взволновал ее до глубины души.

Руби повернулась лицом к сцене, хлопая в ладоши и смотря на кланяющихся танцоров. Маттео встал, когда танцоры посмотрели на королевскую ложу, улыбнулся им, помахал рукой и снова зааплодировал.

Руби тоже встала. Ее ноги дрожали. В зале зажегся свет, и зрители стали расходиться. Появилась охрана, которая открыла им двери ложи. Руби пошла следом за Маттео в дальнюю часть театра. Она чувствовала себя почти такой же воодушевленной, как солисты.

Она видела, как все удивленно поднимают брови и широко улыбаются. И знала, что они пристально наблюдают за ней и будут взволнованно сплетничать. Чудачка Руби заигрывает со спонсором.

Ну и пусть болтают. Она не подведет ни себя, ни кого-то другого.

В комнате накрыли столы с напитками и едой. Руби почувствовала у себя на спине руку Маттео, который направлял ее к столам, и растаяла.

Он поднял глаза, снисходительно улыбнулся и сунул ей в руку бокал шампанского. Она едва могла сосредоточиться, пытаясь противостоять физическому влечению к Маттео, пока ее ласкал его пристальный взгляд.

Когда он наклонил голову направо, желая узнать больше информации о ком-то или о чем-то, Руби радостно поднялась на цыпочки и принялась нашептывать ему имена. Он положил руку ей на талию, растопылив пальцы, и притянул ее ближе, а она мимоходом коснулась губами его щеки.

Его кожа была мягкой, но покрытой щетиной, а запах – невероятно тонким. Он был очень привлекательным мужчиной.

– Повтори, – потребовал он, когда она назвала ему чье-то имя.

Как только она попыталась отодвинуться от Маттео, появился официант с большим подносом с канапе, держа его на плече. Маттео шагнул в сторону, пропуская официанта, и притянул Руби к себе. Она стояла не двигаясь, крепко прижимаясь к Маттео грудью и бедром. Ее переполняло жгучее желание.

Она знала, что должна отойти в сторону, но не могла ничего сделать, поэтому продолжала наслаждаться его самоуверенностью, твердостью его тела и сладким стремлением быть к нему еще ближе. В ее жилах бурлила кровь, у Руби закружилась голова.

Официант ушел, и они наконец отстранились друг от друга.

– Кто та блондинка в зеленом, которая идет к нам с твоим директором?

Руби опустила глаза, ей стало совестно. Ее директор до-

веряет ей. Нельзя его подводить.

– Леди Сисели Бартлетт, – сказала она, сосредоточившись. – Она актриса, но стала политиком. Она собирается говорить о недофинансировании искусства...

– Я впечатлен. Ты многое знаешь о своем мире. – Он шагнул к ней ближе. – Ты в порядке? Ты вдруг побледнела.

Он взял ее за руку, провел пальцами по ее запястью, и у Руби сдавило горло. Задыхаясь, она запрокинула голову. Она изнемогала от желания и слабела с каждым мгновением. Она должна образумиться, пока окончательно не потеряла голову.

– Мне надо присесть. Я перебрала с шампанским.

Он подвел ее к креслу.

– Это моя вина. О чем я только думал? Как только я закончу с леди Сисели, мы поужинаем.

Ужин? Он хочет ужинать? Или заниматься сексом?

От этой мысли ее сердце едва не выскочило из груди. Она знала, что поедет к Маттео. Он начнет ее целовать и ласкать. И тогда она поймет, что передумала. Она захочет уйти, и он будет сбит с толку и задастся вопросом, что происходит. Она вызовет такси и уедет. Так было всегда.

Но Маттео Россини – покровитель балета, и она не может так с ним поступить.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– В чем дело?

Он подошел к ней так близко, что она увидела, как волос-

ки на его груди едва заметно выступают через шелк рубашки. Ложбинку у его горла над воротником, губы, которые касались ее щеки, подбородка и уха. Он стоял рядом с ней, и она чувствовала мощь и очарование его тела и понимала, что постепенно теряет самообладание.

Может быть, на этот раз все будет по-другому?

– Руби, это отличная идея, – тихо сказал он.

– Нет, я очень устала. Мне надо домой.

Он внимательно взгляделся в ее лицо, словно хотел прочесть ее мысли.

– Ты не устала. Ты нервничаешь. Тебе небезразлично мнение людей. – Он кивнул, нахмурился и посмотрел через ее плечо. – Жди здесь. Никуда не уходи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.